

А. В. КУЛАГИН

*(Московский государственный областной социально-гуманитарный институт,
г. Коломна, Россия)*

УДК 821.161.1-1(Кушнер А.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,445

ФЕТОВСКИЕ ЭПИГРАФЫ В ЛИРИКЕ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА¹

Аннотация. В статье рассмотрены четыре стихотворения Александра Кушнера, предварённые эпиграфами из произведений Афанасия Фета и относящиеся к разным периодам творчества современного поэта: «Стог» (1966), «Этот... как его... ну... светлячок!..» (1986), «Что-то более важное в жизни, чем разум...» (1998), «Вчера я шёл по зале освещённой...» (2015). Вступая в творческий диалог с классиком, подкреплённый знанием литературоведческих работ о нём (в частности, работ Бориса Бухштаба, которого Кушнер считает одним из своих учителей), поэт оживляет посредством эпиграфов ключевые мотивы творчества Фета: ощущение космизма мироздания, включённости в это мироздание «малого» человеческого бытия, всепобеждающей силы способного «сказаться без слова» чувства, преодолевающей время любви. Эти мотивы органично включены у Кушнера в нынешний душевный опыт, который, в свою очередь, во многом питается опытом классики. В общей же сложности Кушнером написаны более тридцати стихотворений, содержащих различные мотивы творчества и биографии Фета. В основе статьи – не только собственно анализ стихотворений, но и источниковедческие сведения, полученные автором от самого А. Кушнера.

Ключевые слова: эпиграфы, литературные традиции, литературные мотивы, русская поэзия, анализ стихотворений.

Насыщенность поэзии Александра Кушнера литературными реминисценциями и аллюзиями известна: они не раз становились предметом исследовательского интереса². В числе любимых поэтов Кушнера – Афанасий Фет. Мы насчитали свыше трёх десятков стихотворений, в которых современный автор «перекликается» с классиком. Перу Кушнера принадлежит также специальное эссе о Фете – «Воздух поэзии» (1990). Между тем фетовские мотивы в творчестве Кушнера по-

¹ Первый из четырёх составивших данную статью этюдов предварительно опубликован: [Кулагин 2016].

² Укажем некоторые работы последнего времени: [Гельфонд 2012: 163-178; Ячник 2014; Кулагин 2015].

ка не привлекали специального внимания исследователей¹. Обратимся к ним.

Мы не будем касаться всех стихотворений, где появляется имя Фета или узнаётся какой-либо мотив его лирики (перечень таких стихотворений, не рассмотренных и не упомянутых в нашей статье, см. в сноске 14). Нередко они (имя или мотив) возникают попутно, среди других имён, и собственно «фетовской» поэтической нагрузки в себе не несут. Таково, например, сравнительно раннее стихотворение «Осень» (1961): «Дерева листву отряхают, / И солнышко сходит на нет. / Всю осень грустят и вздыхают // Полонский, и Майков, и Фет» [Кушнер 2005: 19]², или позднейшее ироническое «Наши поэты» (1971): «Конечно, Баратынский схематичен. // Бесстильность Фета всякому видна. // Блок по-немецки втайне педантичен. / У Анненского в трауре весна» [Кушнер 2005: 156], или гораздо более позднее «Мои друзья, их было много...» (2012): «Мои друзья, их было много, / Никто из них не верил в Бога, / Как это принято сейчас. / Из Фета, Тютчева и Блока / Их состоял иконостас» [Кушнер 2013: 19].

В данных заметках нас будут интересовать лишь те случаи, когда стихотворение представляет собой лирический диалог именно с Фетом и смысл его раскрывается только в контексте фетовского творчества или биографии, причём раскрывается через эпиграф, из стихов Фета же и взятый. Эпиграф, который в литературе вообще «выступает как “чужое слово”, с необходимостью вступая в разнонаправленные диалогические отношения с основным текстом» [Орлицкий 2008: 306], оказывается в этих случаях проводником поэтической традиции.

К эпиграфам Кушнер обращается постоянно: в его сборниках их более полусотни. Обычно это цитаты из русских поэтов – Пушкина, Баратынского, Тютчева, Анненского [см.: Ячник 2014: 144-150], Мандельштама... Стихотворения с эпиграфами чаще всего представляют собой «реплику» на текст-источник, развитие, неожиданное заострение чужой поэтической мысли. Таковы, например, написанные в разные годы стихотворения «Окученный картофель в белой пене...», «Мы

¹ Отдельные наблюдения см.: [Поддубко 2015: 168-171].

² Цитаты, приводимые по данному изданию, на сегодня самому полному собранию стихотворений поэта, сверены нами с текущими авторскими сборниками, в которых данные стихи предварительно публиковались и которые сам автор считает наиболее репрезентативными для своего творчества. По ним же цитируются стихотворения, в «Избранное» не вошедшие. Благодарим Александра Семёновича Кушнера, сообщившего нам даты написания всех рассмотренных или упомянутых в статье стихотворений, прочитавшего данную статью в рукописи, одобрявшего её и высказавшего полезные для нас замечания, учтённые в тексте работы.

останавливали с тобой...», «Какой бы ни был самый сладкий голос...», «На месте Дельвига подарок бы не принял...» и многие другие. Несколько раз в качестве эпиграфов появляются в поэзии Кушнера и фетовские строки.

1

Впервые Кушнер предпослал своим стихам эпиграф из Фета в 1966 году, в стихотворении «Стог». Это вообще один из первых случаев использования Кушнером эпиграфа; из более ранних нам известна только «Баллада» 1963 года с эпиграфом из Жуковского [см.: Кудрявцева 2004: 41-42]. «Стог» посвящён Б. Я. Бухштабу – ленинградскому литературоведу, ведущему специалисту по поэзии Фета. Молодого поэта с ним познакомила Л. Я. Гинзбург. Кушнер тепло вспоминает Бухштаба, «открывшего Фета заново в советские... годы»: «Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне дружбу с Борисом Яковлевичем и наши разговоры о стихах (прежде всего – о Фете)» (из письма к автору статьи от 12.09.2015). Эпиграф же таков: «На стоге сена ночью южной // Лицом ко тверди я лежал... А. Фет». Это начальные строки стихотворения «На стоге сена ночью южной...» (1957) – показательного образца фетовского «космизма», передающего, во-первых, ощущение необъятности мироздания и его особой, скрытой от находящегося в «нормальном» состоянии человека, жизни («И хор светил, живой и дружный, / Кругом раскинувшись, дрожал»), а во-вторых – «замирание и смятение» человека, остающегося наедине с бесконечностью: «Казалось, будто в длани мощной / Над этой бездной я повис» [Фет 1982: 150]¹. Слово «твердь» употреблено Фетом, конечно, в значении «небо»: поэт обыгрывает метафорическое библейское выражение «твердь небесная». Иначе «хор светил» его лирическому герою виден бы не был.

А теперь приведём полный текст стихотворения Кушнера:

Я к стогу сена подошёл.

¹ Данное издание имеется – как и подготовленный Б. Я. Бухштабом однотомник Фета 1986 года из Большой серии «Библиотеки поэта» в домашнем книжном собрании Александра Семёновича. «В давние годы, – вспоминает он, – у меня был Фет в малой серии (синий) – тоже бухштабовский, а год <...> 63-ий. Помню, что брал его с собой в первую свою поездку в Грузию и читал с наслаждением в каком-то тбилиском сквере, когда выдалась свободная минута, хотя надо было бы взять Лермонтова или Полонского» (то есть, поэтов, писавших о Грузии; из письма к автору статьи от 11.10.2015).

Он с виду ласковым казался.
Я боком встал, плечом повёл,
Так он кололся и кусался.

Он горько пахнул и дышал,
Весь колыхался и дымился.
Не знаю, как на нём лежал
Тяжёлый Фет? Не шевелился?

Ползли какие-то жучки
По рукавам и отворотам,
И запотевшие очки
Покрылись шёлковым налётом.

Я гладил пыль, ласкал труху,
Я порывался в жизнь иную,
Но Бога не было вверху,
Чтоб оправдать тщету земную.

И голый ужас, без одежд,
Сдавив, лишил меня движений.
Я падал в пропасть без надежд,
Без звёзд и тайных утешений.

Ополоумев, облака
Летели, серые от страха.
Чесалась потная рука,
Блестела мокрая рубаха.

И в целом стоге под рукой,
Хоть всей спиной к нему прижаться,
Соломки не было такой,
Чтоб, ухватившись, задержаться!

[Кушнер 2005: 88-89]

Помимо того, что здесь эпиграф «корреспондирует с первой строкой произведения» [Кулагин 1997: 53] как завязкой лирического сюжета («На стоге сена... я лежал» - «Я к стогу сена подошёл»), стихотворение Кушнера обращает на себя внимание ритмическим сходством с источником. В процитированной нами выше словарной статье Ю. Б. Орлицкого об эпиграфе замечено, что «эпиграфы перед стихами вступают с основным текстом ещё и в ритмическое взаимодействие: при полном или частичном совпадении типа стиха, метра и размера эпиграф настраивает читателя на определённое ритмическое воспри-

ятие последующего текста, при несовпадении – создаёт более или менее резкий контраст» [Орлицкий 2008: 306]. В нашем же случае ощущается своеобразная поэтическая диалектика, когда основной текст ритмически и совпадает и... не совпадает с претекстом. Поясним.

Фетовское стихотворение написано четырёхстопным ямбом; при этом первый и третий стих каждого четверостишия имеют женскую рифму, а второй и четвёртый – мужскую. Кушнер пользуется тем же размером, но меняет расположение мужских и женских рифм: они у него принадлежат соответственно нечётным и чётным слогам: «Я к стогу сена подошёл. / Он с виду ласковым казался. / Я боком встал, плечом повёл, / Так он кололся и кусался». В итоге ритмический рисунок вроде бы и сохранён, но в то же время слегка смещён, и внимательный поэтический слух это несоответствие, конечно, замечает. Нам думается, что за ним стоит важное смысловое различие между двумя несомненно близкими друг другу стихотворениями.

Поэтическая мысль Фета балансирует на грани между ощущением надёжности мироустройства и ощущением разверзающейся бездны. Лирический герой испытывает «замиранье» и «смятенье», и всё же есть «мощная длань» творца, которая не даёт «утонуть» в звёздной «глубине». Фетовское мироощущение в этом смысле вообще гармонично: его герой слит с миром природы («Шёпот, робкое дыханье...»), «Одним толчком согнать ладью живую...» и др.), у него нет трагической «тютчевской» неслиянности с ней. Так вот, Кушнер сначала отталкивается от мотива стога, Фетом не развитого, а только обозначенного в первом стихе. Стог становится своеобразным «персонажем» кушнеровского стихотворения, и поэтическое воображение современного автора даже представляет классика как реально и брутально лежащего на стоге («Не знаю, как на нём лежал / Тяжёлый Фет?...»). Но главное: лирический герой Кушнера не ощущает опоры – той самой «мощной длани», которая поддерживает мироздание. «Но Бога не было сверху...» Разумеется, это не нужно воспринимать в духе примитивного советского атеизма. В стихотворении выражена драма богооставленности и отчаяния человека двадцатого века – века рационального мышления и научно-технического прогресса. Эта драма невольно оборачивается раздражающими физическими ощущениями («Чесалась потная рука, / Блестела мокрая рубаха»), вызванными «безнадёжностью» лирической ситуации [ср.: Макарова 1986: 43-44; Поддубко 2015: 67-68], и отсылает читателя к опыту русской классики, к размышлениям героев Достоевского и Горького. А «голый ужас» напоминает об «арзамасском ужасе» Льва Толстого, напрямую отозвавшегося позже в «гостиничном» стихотворении Кушнера 1970 года «Случалось

ли читателю, как мне...» («...Две маленькие мышки, Арзамас, / А тот проезжий был покрепче нас!» [Кушнер 2005: 127]).

Мотив Бога и его «возможностей», вообще его присутствия в мире органично вписывается в атмосферу лирики Кушнера второй половины 60-х годов. В том же 1966 году написано стихотворение «Когда тот польский педагог...», в котором оставленными Богом предстают Януш Корчак и его воспитанники: «Когда тот польский педагог, / В последний час не бросив сирот, / Шёл в ад с детьми и новый Ирод / Торжествовать злодейство мог, / Где был любимый вами Бог? / Или, как думает Бердяев, / Он самых слабых негодяев / Слабей, заоблачный дымок?» [Кушнер 2005: 74] Понимаем, что сближение лирического героя «Стога» с героями только что процитированного стихотворения некорректно, но перекличка очевидна и подкрепляется хронологической близостью стихов («Стог» написан 28-29 июля, «Когда тот польский педагог...» – 23 декабря). Любопытно, что поэту и его редактору И. Кузьмичёву удалось провести в печать упоминание об эмигрировавшем из Советской России и потому запрещённом Бердяеве: вероятно, этому помог «отрицательный» контекст, в котором упоминается Бердяев, да и сам Бог. Чуть позже, в 1967-ом, написано стихотворение «Свежеет к вечеру Нева...», в финале которого появляется перифрастический (и потому тоже сумевший обойти цензуру) образ Бога – а выше по тексту, кстати, упоминается имя Фета: «И этот прыгающий шаг / Стиха живого / Тебя смущает, как пиджак / С плеча чужого./ Известный, в сущности, наряд, / Чужая мета: / У Пастернака вроде взят, / А им – у Фета. <...> / На всякий склад, что в жизни есть, / С любой походкой – / Всех вариантов пять иль шесть / Строки короткой. / Кто виноват: листва ли, ветер? / Невы волненье? / Иль тот, укрытый, кто так щедр / На совпадения?» [Кушнер 2005: 68-69] Здесь можно вспомнить и более раннее стихотворение «Звезда над кронами дерев...» (1964) с концовкой: «Кто, кто так держит мир в узде, / Что может птенчик спать в гнезде?» [Кушнер 2005: 31] Своеобразное кушнеровское «богоискательство», вкупе с натурфилософией, выглядит неожиданно на фоне «атеистической» советской поэзии 60-х годов (и вообще советской поэзии) и выдаёт глубинный – не религиозный, нет, а лирико-философский – смысл его стихов¹.

¹ См. также стихотворение «Уж не роняет больше, обронил...» (1969), в зачине которого обыгран знаменитая пушкинская строка «Роняет лес багряный свой убор»: «Я сам был мал, когда земная ось / Сошла с пути, стучала шестерёнка, / Всё рушилось и к пропасти несло. <...> Какого Бога дёргать за рукав, / Каких просить уступок и поблажек...» [Кушнер 1974: 19]. Мотив «оси», в котором усилится символическое значение, отзовется в стихах Кушнера полтора десятилетия спустя (см. ниже в основном тексте нашей

Фетовские строки Кушнер, возможно, держал – пусть подсознательно – в своей творческой памяти и спустя восемнадцать лет, когда писал ещё одно стихотворение с названием «Стог» (1984). Оно относится к целой серии его стихов той поры, запечатлевших счастливый поворот в личной жизни (например: «Стихи, в отличие от смертных наших фраз...», 1981; «И хотел бы я маленькой знать тебя с первого дня...», 1982; «Вот счастье – с тобой говорить, говорить, говорить...», 1984). Здесь звучит уже знакомый нам мотив «колючести» стога («... Поднимется рука / Похлопает по его поверхности изрытой – / И робкую скорей в смущенье уберёшь: / Колоч, и ни к чему дымящемуся - ласка...»), и если не космический, то «небесный» мотив, тоже по своему ассоциирующийся со стихами 66-го года: «...таинственный, колючий, / На треснувшей оси / Осиновой, всю ночь царапающей тучи, / Вращающийся, нет, колеблемый слегка...» Но главное, что напоминает о Творце из фетовского стихотворения – кульминация лирического сюжета, с мотивом счастливой – как бы случайной, и в то же время кем-то устроенной – встречи: «Так вот, вблизи сухой / Громады ощутишь в меняющемся свете, / Что легче в нём найти иголку, чем в толпе – / Единственного друга, / Любимого, что рок потворствует тебе, / Что зоркость не твоя была тут и заслуга!» [Кушнер 2005: 355].

Так стихотворение Фета предопределяет лирические раздумья Кушнера о законах мироздания, о случайном и закономерном в нём – предопределяет и тогда, когда кажется, что «Бога не было вверху», и тогда, когда «зоркость» и «заслуга» Всевышнего не оставляют сомнений в его счастливом «потворстве» человеку. Впрочем, лучше всего сказал об этом – спустя ещё почти полтора десятилетия – сам Кушнер в стихотворении «Верю я в Бога или не верю в бога...» (1998): «И вообще это частное дело, точно. / И не стоячей воде, а воде проточной / Душу бы я уподобил: бежит вода, / Нет, – говорит в тени, а на солнце – да!» [Кушнер 2005: 547]. Здесь уместно напомнить о самом Фете, который был «непоколебимо убеждённым атеистом» [Бухштаб 1990: 14] и при этом как никто другой ощущал присутствие в мироздании божественного начала – но ощущал поэтически. Размышляя в своём эссе «Воздух поэзии» о фетовском «разговоре с Богом и поисках смысла жизни», Кушнер замечает, что «это сводилось к поэзии, осуществлялось в ней» [Кушнер 2011: 238].

статье). Бог же впервые появился у поэта, насколько нам известно, в стихотворении 1958 года «Когда я очень затоскую...»: «..Как будто Бог стоял за вами / И вам подсказывал тогда» [Кушнер 2005: 11]. «Удивительно вообще, – вспоминает поэт спустя несколько десятилетий, – как было разрешено мне это слово» [Кушнер 2003: 208].

В следующий раз фетовский эпиграф появился у Кушнера в 1986 году, в стихотворении «Этот... как его... ну... светлячок!..» Вот его полный текст:

Этот... как его... ну... светлячок!
Я минуту искал бестолково,
Затерялось в тени – и молчок –
Это детское, южное слово.

Так, как будто доверия нет
К восхитительным божьим причудам,
Я смотрел на прерывистый свет,
Пролетающий чёрным маршрутом.
Но припомнил, что старый поэт
Эти вспышки сравнил с изумрудом.

И свидетельство это меня
Убедило едва ль не сильнее,
Чем таинственный промельк огня:
Не привиделось мне, не во сне я!
Как в коробочке, пламя храня,
Брат мой старший, в стихах пламеня.
[Кушнер 1988: 112]

Эпиграф же таков: «И на траве два изумруда... А. Фет». Он взят из стихотворения «Я повторял: “Когда я буду...”» (1864), лирический герой которого обещает героине – когда станет богат – «по изумруду» к серьгам. Зимой «гневно» встречавшая его признания, она сменяет гнев на милость весною: «В моей руке – какое чудо – / Твоя рука, // И на траве два изумруда – / Два светляка» [Фет 1982: 468]. Два обыкновенных насекомых существа в лирическом контексте любовной темы опозитивированы Фетом и возведены в ранг драгоценностей.

Давно замечено, что насекомые входят в круг «излюбленных кушнеровских мотивов» [см.: Эпштейн 1990: 278]. Примеры тому многочисленны: «Сентябрь выметает широкой метлой...» (1975), «Пчела» (1979), «Как бабочка, как бабочка ни разу...» (1981), «В электричке, с той стороны стекла...» (2008) и другие, в разные годы написанные стихи. Особенность кушнеровского восприятия мира насекомых в том, что они могут оказаться у него не просто иносказательным образом, за которым стоит человек, а своеобразным *alter ego* самого лирического

героя. Последний никогда не стесняется своей «малости», не встаёт над мирозданием, ибо ощущает его гармонию. Дорожа этим ощущением, он готов скорее «умалить» себя, чем возвысить. Вместе с тем, «умаление» есть и возвышение, но возвышение в другом смысле – поэтическом, когда «малый масштаб» жизни оправдан и усилен чувством полноты бытия.

В лирической «энтомологии» Кушнера стихам 86-го года ближе всего, пожалуй, написанное двумя годами раньше стихотворение «Паучок на балконе, – ну что бы ему у земли...» Здесь паучок, словно нарочно усложняя своё существование, «нерасчётливо» свил паутину в самом, казалось бы, не подходящем для этого месте – «меж двух прутьев железных» балкона. И что же? Именно этот странный выбор паучка, как бы вскользь названный «искусством» («Должен быть же какой-то положен искусству предел!»), и вызывает заинтересованное сочувствие лирического героя: «Замер... серенький, впроголодь, трудно живущий... рывком / Пробежал. Вот меня-то как раз и не надо бояться! / Не смахну рукавом. / Потаённое, как я люблю тебя, тихое братство!» [Кушнер 2005: 377]. В финальном словосочетании заключена квинтэссенция стихотворения: лирическому герою близок как раз такой тип судьбы – с «трудной», на первый взгляд, неприметной жизнью человека, упорно, без аффектации, делающего своё дело. Об этом поэт сам не раз говорил в своих эссе о литературе¹. Отсюда и мотив «тихого братства» лирического героя с этим паучком. Вернёмся к стихотворению с фетовским эпиграфом, в финале которого слышится сходный мотив: «брат мой старший». Понятно, почему «брат»; но почему «старший»? Как может оказаться «старше» лирического героя светлячок, по-детски спрятанный в «коробочку»?

Очевидно, он «старше» потому, что воспет «старым поэтом» - то есть поэтом прошлого века, включён в душевный опыт, который лирический герой поэзии Кушнера получил от классической поэзии. Между тем, светлячок увиден здесь не в траве, как у Фета, а в полёте: «Я смотрел на прерывистый свет, / Пролетающий чёрным маршрутом». В этот момент возникает переключка с ещё одним фетовским произведением. У Кушнера читаем: «И свидетельство это меня / Убедило едва ль не сильнее, / Чем таинственный промельк огня». Конечно, поэт «ссылается» на финальные строки стихотворения Фета «А. Л. Бржеской» («Далёкий друг, пойми мои рыдания...»): «Не жизни жаль с томитель-

¹ Например: «Я знаю своего героя: это человек служащий, может быть, врач, или учитель, или инженер, научный сотрудник, библиотекарь...» [Кушнер 1991: 502] Одним словом – «трудно живущий».

ным дыханьем, / Что жизнь и смерть? А жаль того огня, / Что просиял над целым мирозданьем, / И в ночь идёт, и плачет, уходя» [Фет 1982: 190]. В чём смысл этой поэтической параллели?

Нам думается, что здесь важно, во-первых, то обстоятельство, что строки из послания Бржеской широко известны, их часто цитируют, они стали «визитной карточкой» Фета. Не удивительно, что они «убеждают» лирического героя Кушнера – в чём? – в значимости человеческого существования. Поэт, кстати, вспоминает их и позже – в стихотворении «Стихи – архаика. И скоро их не будет...» (1994): «Жалей, не жалуйся, *гори, сходя во тьму*» [Кушнер 2005: 540. Курсив здесь и в следующей цитате наш]. Далее – в стихотворении «Венеция» (1996): «...Проплывшим вдвоём / Этот путь, как прошедшим по краю / Жизни, жизнь предстаёт *не огнём, / Залетевшим во тьму*, но водою, / Ослеплённой огнями, обид / Нет, – волненьем, счастливой бедою. / Всё течёт. И при этом горит» [Кушнер 2005: 517]. Ещё – в стихотворении «Английским студентам уроки...» (2001), где поэт не без самоиронии говорит о своём опыте чтения лекций о русской поэзии за рубежом. Финал, правда, звучит уже вполне серьёзно: «Английский старик через сорок / Лет, пусть пятьдесят-шестьдесят, / Сквозь ужас предсмертный и морок / Направив бессмысленный взгляд, / Не жизни, – прошепчет по-русски, – / А жаль ему, – скажет, – огня, / И в дымке, по-лондонски тусклой, / Быть может, увидит меня» [Кушнер 2005: 629]¹. Здесь эти строки Фета становятся (вполне, добавим от себя, заслуженно) «визитной карточкой» даже всей русской поэзии. И, наконец, они отзываются в стихотворении «Я книгу отложил: конец её печален...» (2004): «Когда-то у меня на горе были силы, / На смерть, что со страниц смотрела не меня: / Базаровы – отец и мать – их у могилы / Топтание... *что жизнь? а жаль того огня!*» [Кушнер 2005: 651].

А во-вторых, «огонь, что просиял над целым мирозданьем» - образ масштабный, в сравнении с которым «прерывистый свет» пролетающего светлячка может показаться чем-то незначительным и незаметным. Но в том-то и дело, что этот след – своеобразный аналог человеческой жизни, её аллегория. Мы ведь помним: «брат мой старший...». Не бывает *малой* жизни: жизнь любого человека наполнена высоким смыслом. Поэтому след, оставляемый в ночном пространстве обыкновенным светлячком, есть одна из «восхитительных *божских*

¹ Отголосок тех же фетовских строк прозвучал – возможно, невольно – в эссе «Воздух поэзии», где сказано, что поэзия – «не литература, это жизнь, какой она бывает в лучшие мгновения, неважно – счастливые или трагические, печальные, это то, что поэт вытаскивает нам из огня, в котором сгорают наши дни» [Кушнер 2011: 238].

(курсив наш; ср. с нашим первым этюдом – *А. К.*) причуд», и не только не теряется на фоне «того огня», но в чём-то даже и перевешивает его: «убедило едва ль не сильнее...». Это можно объяснить конкретностью и зримостью самого образа, очень характерными для поэзии Кушнера, что тоже общеизвестно («Поэзия, следи за пустяком...»). Нечто внезапно подмеченное (в данном случае – в пору отдыха, в Пидунде, где и написаны стихи о светлячке; отсюда и слово «южное»¹) и оттого не сразу даже названное («Этот... как его...»²), как бы спонтанно вызвавшее лирическую рефлексию, – вот, в двух словах, суть поэтического сознания героя нашей статьи, особенно в его творчестве последних десятилетий (см., например, стихотворения «Клоками жёсткими из пальмы конский волос...», 1990; «Бродя среди римских мраморных руин...», 2000; «Дикий голубь», 2005).

3

В 1998 году Кушнер пишет стихотворение «Что-то более важное в жизни, чем разум...». Ему предпослан эпиграф – цитата из стихотворения Фета «Как мошки зарёю...» (1844): «О, если б без слова... *Фет*». Эта строка тоже относится к числу известных; полностью фетовская поэтическая фраза звучит так: «О, если б без слова / Сказаться душой было можно!» [Фет 1982: 123] А теперь выпишем полностью текст кушнеровского стихотворения:

Что-то более важное в жизни, чем разум...
Только слов не ищи, не подыскивай: слово
За слово – и, увидишь, сведётся всё к фразам
И не тем, чем казалось, окажется снова.

И поэтому только родное дыханье
И пронзительно-влажной весны дуновенье,
Как последнее счастье, туманят сознание,
Да заведомо слабое стихотворенье

¹ Ср. с написанным вскоре стихотворением «А лучший довод в тексте, под рукой...» (1987), лирический герой которого читает Новый завет и поражается правдоподобию детали, свидетельствующей ни больше ни меньше как о... реальном существовании Иисуса: «Евангелист, ты видишь, не лукавил, / Но записал всё точно, сердцем чист <...> / Но значит, это было, было, было!» [Кушнер 2005: 393].

² Такое «припоминание» неожиданно возникает у Кушнера в позднейшем эпиграмматическом стихотворении «- Вот, - говоришь, - забываю слова...» (2007), героем которого является известный политик: «Этот, ну как его, словно сова, / Старорежимный любитель Востока...» [Кушнер 2008: 56]

Доверявшего смутному чувству поэта,
Обманувшего структуралистов: без слова
Он сказаться сумел... Боже мой, только это
Мне ещё интересно, и важно, и ново...
[Кушнер 2005: 577].

Мы располагаем позднейшим письмом поэта, которое можно считать невольным автокомментарием к этому стихотворению: «...Фета я нежно люблю, что-то есть в его стихах такое, чего нет у других поэтов, как бы они ни были прекрасны, совершенны, гениальны и т. д. Определить это что-то очень трудно. Может быть, это та способность, о которой он мечтал в одном из стихотворений: “О, если б без слова сказаться душой было б можно!”. Он и в самом деле писал душой, слова у него затёртые, близлежащие, пустые: розы, соловьи, заря, туман и т. д. Но в его стихах они сопряжены с такой мелодией, таким горячим чувством, такой правдой чувства, что кажется (не всегда, но в лучших стихах), будто до него их в поэзии ни у кого не было. <...> Впрочем, когда надо, он умеет найти и редкое, совершенно неожиданное слово...» (из письма к автору статьи от 12.09.2015)¹.

Этот автокомментарий не только содержит параллель к ведущей поэтической мысли стихотворения, но и даёт, как нам кажется, ключ к его поэтике – по крайней мере, поэтике второй строфы. Рифмуя «дыханье» и «сознание», «дуновенье» и «стихотворенье», поэт идёт «фетовским» путём, подбирая простейшие созвучия, и для них – как раз такие слова, которые можно, пользуясь его выражением, назвать «затёртыми, близлежащими, пустыми». У самого же Фета, в стихотворении - источнике эпиграфа, именно такие рифмы: «зарёю – мечтою», «толпятся – расстаться», «вдохновенья – стремленье», «тревожно – можно», да и поэтическая фразеология порой балансирует на грани банальности («С любимой мечтою / Не хочется сердцу расстаться»). Но это и неважно, если можно «сказаться» не словами-рифмами, а «душой». Кстати, «сказаться» – замечательный глагол, непривычный в таком значении; обычно его употребляют в словосочетаниях типа «сказалась давняя неприязнь», а здесь он как будто синонимичен слову «выговориться», но обозначает, в отличие от последнего, спонтанность, мгновенность действия. Если «без слов» – то именно так, спонтанно, и должно быть.

¹ Здесь позиция поэта сближается с позицией его учителя-литературоведа, обратившего внимание на сочетание в стихах Фета «нарочитой красоты», даже «банальности» - и «точных и свежих наблюдений» [Бухштаб 1990: 99, 100].

Думается, однако, что смысл стихотворения Кушнера не ограничивается только переключкой с фетовскими строками. Здесь важен собственно кушнеровский лирический контекст, ключ к которому даёт упоминание о «структуралистах». Поэт (филолог по образованию) критически относится к структурализму, ибо полагает, что литературоведение должно не усложнять литературу, а помогать читателю разобраться в ней, то есть оно само есть в каком-то смысле её продолжение. Кушнер – противник «зауми» как в поэзии («Заумь тоже дожждётся симпозиума...» [Кушнер 1994: 83] – этой иронической строчкой открывается одно из стихотворений 1993 года), так и в литературоведении. Науку, полную «усложнизмов» и не замечающую прелести стихов, он не приемлет. Подтверждение тому – стихотворение «Памяти филолога» 2008 года («Изучая стихи, занимаясь ими, / Зная всё про пиррихии и спондеи, / Он глазами смотрел на них ледяными / И ценил в них не сумерки, а затеи...» [Кушнер 2010: 84]) или «Осип Эмильевич, два-три заскока...» 2011-го («Вы и не знали, что вы герметичны, / И синкретичны, и интроспективны. / Вас раскусили, поймали с поличным / В цепком Воронеже, мёрзлом и дымном» [Кушнер 2013: 87]). Фет же «обманул структуралистов» в том смысле, что у него нет для них поживы, «нет слов»: «дыханье» и «дуновенье» неподвластны аналитическому скальпелю тех, кого интересуют в поэзии лишь «пиррихии и спондеи». Им такие стихи могут показаться «заведомо слабыми», но сам Кушнер и не настаивает на том, что все стихи Фета равноценны (см. выше цитату из письма).

Этим полемическим мотивом объясняется, на наш взгляд, зачин стихотворения: «Что-то более важное в жизни, чем разум...» Он (зачин) сразу включает стихотворение в контекст важной для поэта творческой проблемы соотношения рационального и эмоционального, о которой нам уже приходилось писать. По нашим наблюдениям, поэт вообще как бы уравнивает в своих стихах эти две категории: у него рациональное существует в эмоциональном проявлении [см.: Кулагин 2013]. Естественная для лирика готовность к душевному порыву парадоксально переплетается в его творчестве с внутренней дисциплинированностью и взвешенностью. В данном же случае он словно «отрекается» от рационального в пользу эмоционального, но делает это для того, чтобы подчеркнуть фетовскую лирическую «бессловесность».

из Фета. На сей раз это первая строка фетовского стихотворения «Вчера я шёл по зале освещённой...» (1858). Эпиграф полностью повторён в первой строке стихотворения Кушнера (2015):

«Вчера я шёл по зале освещённой...»
Все спят давно, полночная пора,
А он идёт один, неугомонный,
Не в позапрошлом веке, а вчера!

И нет меж ним и нами расстоянья.
И всё, что с той поры произошло,
Отменено, ушло за край сознания,
Все испытанья, горести и зло.

Одна любовь на свете остаётся,
Она одна переживёт и нас,
В углах таится, в стенах отдаётся,
В дверях тайком оглянется не раз.

И вещи – вздор. Какие вещи в зале,
Кто помнит их? Не вазы, не ковры.
Где ноты те, что были на рояле?
Одной любовью движутся миры.

Всех звёзд, всех солнц, всей жизни горячее,
Сильнее смерти, выше божества,
Прочнее царств, мудрее книгочех –
Её, в слезах, безумные слова.

[Кушнер 2016: 45-46]

В эссе «Воздух поэзии» Кушнер особо выделяет первые строки фетовских стихотворений: «Пожалуй, ни у кого другого ... не выразился с такой откровенной, почти бесстыдной силой этот эмоциональный порыв, восторг перед радостью и чудом жизни – в первой строке стихотворения...» [Кушнер 2011: 235] Строка, с которой начинается стихотворение-источник, на первый взгляд кажется «спокойной», эмоционально-нейтральной, но это ошибочное впечатление. Приведём первые два четверостишия: «Вчера я шёл по зале освещённой, / Где так давно встречались мы с тобой. / Ты здесь опять! Безмолвный и смущённый, / Невольно я поникнул головой. / И в темноте тревожного сознания / Былые дни я различал едва, / Когда шептал безумные желанья / И говорил безумные слова» [Фет 1982: 126]. Глагол «шёл» означает протяжённость движения лирического героя, а значит – и разви-

тие чувства «по мере» этого движения. Оно (развитие), в самом деле, ощущается в стихах: герой «шёл», затем ощутил присутствие героини («Ты здесь опять!»), затем «поникнул головой», различая «былые дни»... В третьей строфе мы прочтём: «Знакомыми напевами томимый, / Стою...». И наконец, герой слышит шёпот героини: «Что же ты?» Одним словом, первый стих задал всю динамику лирического сюжета, протянул нить от давнего чувства к его (чувства) возвращению через воспоминание (похожая лирическая ситуация ляжет в основу написанного Фетом почти два десятилетия спустя стихотворения «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»). Выразителен и эпитет «освещённая», ниже контрастирующий с «темнотой тревожного сознанья» героя: героиня возникает как бы из этого света.

Стихотворение Кушнера – своеобразный парафраз на тему фетовского. Кушнер подхватывает мотивы источника, но не повторяет их, а погружает в новый смысловой контекст. Какие именно мотивы? Во-первых, мотив ночной темноты, у Фета напрямую не обозначенный, но угадываемый за счёт «освещения» залы; у Кушнера сказано напрямую: «Все спят давно, полночная пора». Во-вторых, мотив движения лирического героя: «А он идёт один, неугомонный...» Почему «неугомонный»? Потому, что это происходит «не в позапрошлом веке, а вчера!» Герой не «угомонился» за полтора столетия, и для понимания кушнеровского стихотворения это, как мы сейчас увидим, очень важно. В-третьих, мотив музыки. Герой Фета, как сказано в стихотворении, – «знакомыми напевами томимый», то есть он как бы слышит вновь пение героини. В стихотворении Кушнера же пение не звучит, дана лишь факультативная ассоциация с ним: «Где ноты те, что были на рояле?» Ноты исчезли со временем, но ноты – не музыка, которая жива и, не звуча в стихах открыто, как бы подразумевается в них. Наконец, в-четвёртых, «безумные слова». У Фета они звучат в прошлом и в настоящем, то есть организуют художественное время в стихотворении¹, и звучат из уст лирического героя; у Кушнера же время продлевается до наших дней, а «безумные слова» произносит уже сама любовь. Образ расширяется во времени и обретает поэтическую универсальность. Так из совокупности схожих и при этом несхожих «фетовско-кушнеровских» мотивов вызревает лейтмотив стихотворения современного поэта – мотив бессмертия любви, имеющий, впрочем, источники в поэзии не только Фета.

Строка «Одной любовью движутся миры» напоминает, конечно, о

¹ Б. Я. Бухштаб относит эти произведения к тем, в которых сопоставляются «две стадии» чувства («по “музыкальным” принципам повторения» [Бухштаб 1990: 77]).

знаменитом финальном стихе из «Божественной комедии» Данте в переводе М. Лозинского: «Любовь, что движет солнце и светила». Но между Данте и Кушнером есть посредник – Мандельштам, в стихотворении которого «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» читаем: «И море, и Гомер – всё движется любовью» [Мандельштам 1990: 99]. Мандельштам наверняка сам откликается здесь на дантовский поэтический афоризм – его интерес к великому флорентийцу известен и выразился в его прозаическом произведении «Разговор о Данте». Этот интерес обыгран Кушнером в стихотворении «Разговор в прихожей» (1977)¹. Что касается стихотворения Мандельштама «Бессонница. Гомер...», то вторая строка его («Я список кораблей дочёл до середины...») была взята Кушнером в эпиграф к стихотворению «Мы останавливали с тобой...» (1991). Так что здесь мы имеем дело хотя и с прихотливой, но единой цепочкой ассоциаций, в которую стихи 2015 года включают и поэзию Фета.

Стихотворение Кушнера строится во многом на «эффекте присутствия» героя (Фета) в нынешней жизни, «не в позапрошлом веке, а вчера». Поэтическая классика настолько «обжита» Кушнером, что подобные «встречи» происходят в его лирике не раз, в разные периоды его творческой биографии – от сравнительно раннего до, как мы уже видим, сегодняшнего. Можно вспомнить, как его лирический герой «общался» с Державиным («Он, столичную роскошь кляня, / Ради дружеских ласк и объятий / Приглашает к обеду меня» [Кушнер 2005: 35]), с Анненским («Ты здесь, поблизости...» [Кушнер 1984: 91]), с Карамзиным («Там, под Айя-Софией, нам свидание / Назначил он – и я увижусь с ним» [Кушнер 2005: 630]), с Лермонтовым («Поговорить бы тихо сквозь века / С поручиком Тенгинского полка...» [Кушнер 2013: 23]). Но у Кушнера есть и «фетовское» стихотворение такого характера, написанное в 1996 году: «Фету кто бы шепнул, что он всех обманул, / А завзятых певцов, так сказать, переплюнул? / Посмотреть бы на письменный стол его, стул, / Прикоснуться бы пальцем к умолкнувшим струнам!» («Фету кто бы сказал, что он всем навязал...» [Кушнер 2005: 536]). В новом же стихотворении знакомая лирическая ситуация получает новый оттенок: присутствие поэта, автора чудесных любовных стихов, влечёт за собой ощущение вечности самого чувства любви, преодолевающего время. «Безумные слова» любви, произнесённые

¹ «...Твой мрамор и шпат – из другого поэта, / не Данте нашедшего в них, а себя, / черты своего становленья и склада. / По-моему, век наш, направо губя // людей и налево, от Дантова ада / наш взор отвратил: зарывали и жгли / и мыслимых мук превзошли варианты...» [Кушнер 2005: 208].

«в слезах», сегодня волнуют не меньше, чем полтора столетия назад. А если вернуться к нашим предыдущим заметкам, то скажем в итоге, что Кушнер оживил через посредство эпитафий ключевые мотивы творчества «старого поэта»: ощущение космизма мироздания, включённости в это мироздание «малого» человеческого бытия, всепобеждающей силы способного «сказаться без слова» чувства. Они органично включены у поэта в нынешний душевный опыт, который, в свою очередь, во многом питается опытом классики¹.

ЛИТЕРАТУРА

Бухштаб Б. Я. А. А. Фет : Очерк жизни и творчества. 2-е изд. Л. : Наука, 1990.

Гельфонд М. М. «Читателя найду в потомстве я...» : Боратынский и русские поэты XX века. М. : Биосфера, 2012.

Кудряцева И. А. Поэт и процесс творчества в художественном сознании А. Кушнера : дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2004.

Кулагин А. В. «...И чувствуешь умом...» : Александр Кушнер : рациональное как эмоциональное // Категории рационального и эмоционального в художественной словесности: Сб. науч. статей / отв. ред. Е. Ф. Манаенкова. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 253-261.

Кулагин А. Онегинские мотивы в лирике А. Кушнера // Кулагин А. Пушкин : Источники. Традиции. Поэтика : Сб. статей. Коломна :

¹ Назовём также стихотворения Кушнера, содержащие фетовские мотивы или имя Фета, не рассмотренные и не упомянутые в нашей статье: «В Италию я не поехал так же...» (1976), «Два поэта: Полонский и Фет...» (1977), «Сколько бабочек-траурниц здесь, на дороге лесной...» (1981-85), «День прошёл вчерашнего бездарней...» (ок. 1989), «Взгляд, от речи оторванный, жалок...» (1990), «Я, кажется, знаю, щемящая эта...» (1991), «Запиши на всякий случай...» (1992), «Стансы» (1994), «Я должен эту мысль додумать до конца...» (1999), «Так будет...» (1999), «С какой-нибудь самой дурацкой...» (2000), «Мандельштам придет с шубой...» (2001), «Посчастливилось плыть по Оке, Оке...» (2001), «Я вспомню, улыбнусь под тучей дымнобровой...» (2001), «Кто стар, пусть пишет мемуары...» (2001-2002), «Не люблю французов с их прижимистостью и эгоизмом...» (2003), «Кого бы с полки взять? Всех знаю наизусть...» (2005), «Ты, страна моя, радость и горе...» (2007), «Державинская флейта и труба...» (2010), «Какое счастье – Фет!...» (ок. 2010), «Так ветер куст приподнимал...» (2013), «Не было б места ни страху, ни злобе...» (2014), «Новые окна» (2014), «Стайка облаков...» (2015); «1890-й» (2016). Сведения об их книжных публикациях см.: [«Стихов неотразимый строй...»: 2016]. Второе по счёту опубликовано: Нева. 1978. № 6. С. 92; четвёртое: Юность. 1989. № 6. С. 35; пятое: Огонёк. 1990. № 46 (ноябрь). С. 9; шестое от конца списка: Знамя. 2011. № 2. С. 5; предпоследнее: Арион. 2015. № 4. С. 48; последнее: Звезда. 2016. № 9. С. 4.

МГОСГИ, 2015. С. 196-208.

Кулагин А. В. Фетовский эпитаф в стихотворении Александра Кушнера «Стог» // XX век : Альманах. Вып. 8 / сост. Ю. В. Селиванова. СПб. : Островитянин, 2016. С. 94-101.

Кулагин А. В. Эпитаф // Литературоведческие термины : (Материалы к словарю) / ред.-сост. Г. В. Краснов. Коломна : КПИ, 1997. С. 52-54.

Кушнер А. Вечерний свет : Книга новых стихов. СПб. : Лениздат, 2013.

Кушнер А. Воздух поэзии // Кушнер А. По эту сторону таинственной черты : Стихотворения, статьи о поэзии. СПб. : Азбука, Азбука-Атикус, 2011. С. 233-245.

Кушнер А. «Вчера я шёл по зале освещённой...» // Новый мир. 2016. № 2. С. 45-46.

Кушнер А. Живая изгородь : Книга стихов. Л. : Сов. писатель, 1988.

Кушнер А. Избранное. М. : Время, 2005.

Кушнер А. Мелом и углём : [Стихи]. М. : Астрель, 2010.

Кушнер А. На сумрачной звезде : Новые стихи. СПб. : Акрополь, 1994.

Кушнер А. Облака выбирают анапест. М. : Аванта+, Астрель, 2008.

Кушнер А. Первое впечатление // Звезда. 2003. № 8. С. 202-213.

Кушнер А. Письмо : Стихи. Л. : Сов. писатель, 1974.

Кушнер А. Противостояние // Кушнер А. Аполлон в снегу. Л. : Сов. писатель, 1991. С. 499-509.

Кушнер А. Таврический сад : Седьмая книга. Л. : Сов. писатель, 1984.

Макарова И. А. Трансформация «чужого слова» в поэзии А. Кушнера // Целостность художественного произведения : Межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. С. И. Тимина. Л. : ЛГПИ, 1986. С. 37-49.

Мандельштам О. «И ты, Москва, сестра моя, легка...» : Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии / сост. и автор вступ. ст. и примеч. П. М. Нерлер. М. : Московский рабочий, 1990.

Орлицкий Ю. Б. Эпитаф // Поэтика : Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной, 2008. С. 306-307.

Поддубко Ю. В. Мотивно-образная система лирики А. Кушнера : дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 2015.

«Стихов неотразимый строй...» : указатель стихотворений Александра Кушнера, вошедших в его авт. сборники: 1962 – 2016. 2-е изд., испр. и доп. / сост. А. В. Кулагин. Коломна : Инлайт, 2016.

Фет А. А. Сочинения : в 2 т. / сост., вступ. ст., коммент. А. Е. Тархова. М. : Худож. лит., 1982. Т. 1.

Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной...» : Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высшая школа, 1990.

Ячник Л. М. Интертекстуальность и русская поэтическая традиция в творчестве Александра Кушнера : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2014.

REFERENCES

Bukhshtab B. Ya. A. A. Fet : Ocherk zhizni i tvorchestva. 2-e izd.. L. : Nauka, 1990.

Gelfond M. M. «Chitatelya naydu v potomstve ya...» : Boratynskiy i russkie poety KhKh veka. M. : Biosfera, 2012.

Kudryavtseva I. A. Poet i protsess tvorchestva v khudozhestvennom soznanii A. Kushnera : dis. ... kand. filol. nauk. Cherepovets, 2004.

Kulagin A. V. «...I chuvstvuesh' umom...» : Aleksandr Kushner : ratsional'noe kak emotsional'noe // Kategorii ratsional'nogo i emotsional'nogo v khudozhestvennoy slovesnosti: Sb. nauch. statey / otv. red. E. F. Manaenkova. Volgograd : Izd-vo VGSPU «Peremena», 2013. S. 253-261.

Kulagin A. Oneginskie motivy v lirike A. Kushnera // Kulagin A. Pushkin : Istochniki. Traditsii. Poetika : Sb. statey. Kolomna : MGOSGI, 2015. S. 196-208.

Kulagin A. V. Fetovskiy epigraf v stikhotvorenii Aleksandra Kushnera «Stog» // KhKh vek : Al'manakh. Vyp. 8 / sost. Yu. V. Selivanova. SPb. : Ostrovityanin, 2016. S. 94-101.

Kulagin A. V. Epigraf // Literaturovedcheskie terminy : (Materialy k slovaryu) / red.-sost. G. V. Krasnov. Kolomna : KPI, 1997. S. 52-54.

Kushner A. Vecherniy svet : Kniga novykh stikhov. SPb. : Lenizdat, 2013.

Kushner A. Vozdukh poezii // Kushner A. Po etu storonu tainstvennoy cherty : Stikhotvoreniya, stat'i o poezii. SPb. : Azbuka, Azbuka-Atikus, 2011. S. 233-245.

Kushner A. «Vchera ya shel po zale osveshchennoy...» // Novyy mir. 2016. № 2. S. 45-46.

Kushner A. Zhivaya izgorod' : Kniga stikhov. L. : Sov. pisatel', 1988.

Kushner A. Izbrannoe. M. : Vremya, 2005.

Kushner A. Melom i uglem : [Stikhi]. M. : Astrel', 2010.

Kushner A. Na sumrachnoy zvezde : Novye stikhi. SPb. : Akropol', 1994.

Kushner A. Oblaka vybirayut anapest. M. : Avanta+, Astrel', 2008.

Kushner A. Pervoe vpechatlenie // Zvezda. 2003. № 8. S. 202-213.

Kushner A. Pis'mo : Stikhi. L. : Sov. pisatel', 1974.

Kushner A. Protivostoyanie // Kushner A. Apollon v snegu. L. : Sov. pisatel', 1991. S. 499-509.

Kushner A. Tavricheskii sad : Sed'maya kniga. L. : Sov. pisatel', 1984.

Makarova I. A. Transformatsiya «chuzhogo slova» v poezii A. Kushnera // Tselostnost' khudozhestvennogo proizvedeniya : Mezhvuz. sb. nauch. trudov / otv. red. S. I. Timina. L. : LGPI, 1986. S. 37-49.

Mandel'shtam O. «I ty, Moskva, sestra moyaya, legka...» : Stikhi, proza, vospominaniya, materialy k biografii / sost. i avtor vstup. st. i primech. P. M. Nerler. M. : Moskovskiy rabochiy, 1990.

Orlitskiy Yu. B. Epigraf // Poetika : Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy / gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko. M. : Izd-vo Kulaginoy, 2008. S. 306-307.

Poddubko Yu. V. Motivno-obraznaya sistema liriki A. Kushnera : dis. ... kand. filol. nauk. Khar'kov, 2015.

«Stikhov neotrazimyy stroy...» : ukazatel' stikhotvoreniy Aleksandra Kushnera, voshedshikh v ego avt. sborniki: 1962 – 2016. 2-e izd., ispr. i dop. / sost. A. V. Kulagin. Kolomna : Inlayt, 2016.

Fet A. A. Sochineniya : v 2 t. / sost., vstup. st., komment. A. E. Tarkhova. M. : Khudozh. lit., 1982. T. 1.

Epshteyn M. «Priroda, mir, taynik vselennoy...» : Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii. M. : Vysshaya shkola, 1990.

Yachnik L. M. Intertekstual'nost' i russkaya poeticheskaya traditsiya v tvorchestve Aleksandra Kushnera : dis. ... kand. filol. nauk. Kiev, 2014.